

Захар Прилепин: «Бог есть, Родина прекрасна»

Денис Козьявин: Захар, насколько я знаю, вы симпатизируете НБП. Видите ли вы разницу между нацизмом и национализмом? Если видите, то в чём она, по-вашему, заключается?

Денис, я не просто симпатизирую — я состою в этой партии больше пятнадцати лет.

Разница в том, что нацизм — это за смерть всем другим, во имя жизни твоего народа, а национализм — это за жизнь твоего народа другим народам на радость, по крайней мере, пока они сами не полезут.

Ольга Наливайко: Захар, на какой вопрос вам хотелось бы самому ответить, но вам его никогда не задают?

Ольга, этот вопрос мне задавали тысяч семь раз и я ни разу на него не ответил, возможно потому, что если мне что-то хочется сказать, я это говорю, даже если меня не спрашивают.

У вас есть какие-нибудь необычные страхи?

Ну, у меня есть мучительная гадливость к любым змеям, даже ужам, но я могу ее преодолеть и ради детей затоптать любую гадину.

Назовите одну черту, свойственную всем вашим возлюбленным.

Пронзительная женственность и чувствительный ум.

Но для порядка всё-таки скажу вам, что в моем случае выражение «все ваши возлюбленные» звучит слишком громко: я половину жизни — огромный срок — люблю только одну женщину.

Что вы приготовите, если я приду к вам на ужин?

Я могу с тем же успехом пошутить и спросить: «Что вы скажете, если я приду к вам с вещами?»

Валерий Петков: Захар, бывает ли у вашей фантазии нелётная погода?

Валер, я ж не фантазирую — я что вижу, то и пою.

Я работаю в любой день, когда я трезв. Я никогда не мучился в поисках вдохновения и вообще не знаю, что это такое.

Alexis Shd: Захар, каким образом, по вашему мнению и личному опыту, можно отличить нелитературу от литературы?

Критериев, которыми я могу с вами поделиться здесь и сейчас, нет — всякий раз это

определяется на вкус.

Какое ваше достижение является самым важным (для вас, для развития русского языка)?

Ничего не знаю о своих достижениях.

Известный детский психолог XX века доктор Б. Спок однажды удачно подметил: «...у детей бывает период, когда им нравится повторять ругательства. Они, смеясь, награждают друг друга неприличными словами и выражениями и думают, что это очень остроумно и смело... большинство детей будут в восторге от того, что им удалось шокировать». Как вы думаете, почему значительная часть современных тружеников пера и клавиатуры тоже избирает путь шокирования и эпатирования в нелёгкой битве за привлечение интереса масс?

В целом это всё-таки немного устаревшее представление о современной литературе.

Описанная вами ситуация, быть может, была характерна для литературы конца 80-х- начала 90-х годов, что отчасти объяснимо несколькими десятилетиями советского, отчасти ханжеского воздержания (впрочем, тоже во многом преувеличенного из-за того, что и сцены секса, и сцены насилия, и табуированная лексика — всё это было даже у соцреалистов); но сегодня — Боже мой! — кого удивишь матом? После Виктора Ерофеева, Владимира Сорокина и Эдуарда Лимонова?!

Или чем там — описанием телесных утех?

Практически все последние сложившиеся литературные репутации вполне обходятся без того, о чем вы говорите: у самых любопытных для меня писателей — Евгения Водолазкина, Алексея Варламова, Олега Ермакова, Дениса Гуцко, Марины Степновой и Михаила Тарковского — ничего этого нет и в помине.

Есть весьма дерзкие вещи у Александра Терехова, но это точно не по Споку — Спок тут давно ни при чём.

В ранних вещах «новых реалистов» Германа Садулаева, Михаила Елизарова, Сергея Шаргунова и моих тоже случалось что-то подобное, но по этому поводу нами всё было достаточно быстро сказано: прочтите «Шалинский рейд» Садулаева, «Мы вышли покурить на 17 лет» Елизарова, «1993» Шаргунова, и ничего того, о чём вы говорили, там не найдёте.

Все выросли.

Михаил Матюнин: В чём, как вы считаете, сверхзадача вашего творчества?

Сверхзадачи ставят чаще всего графоманы.

Вы можете представить, что Лев Толстой, начиная «Войну и мир», думал: «Эх, напишу-ка огромную эпопею, четыре тома, вмещу туда всю эпоху; да, эпохальная будет книга, философическая — сотни характеров, тысячи деталей... и т. п.»?

Берешь маленький камушек и начинаешь строить маленький домик — вот и вся сверхзадача.

Александра Нисифорова: Захар, какие кружки вы посещали, когда учились в школе?

Практически никакие: один месяц бокс, месяца три плавание, лёгкая атлетика, ещё что-то — все мимолётом. Может оттого, что мы часто переезжали, а может и потому, что мой кружок был дома — я сидел и как заговорённый читал запоем стихи.

Потом папа мне подарил печатную машинку, и я сам перепечатывал целые сборники любимых полузабытых поэтов и был абсолютно счастлив.

Спорт начался лет в 15: я начал как сумасшедший качаться и делал это последующие лет 10 с той же страстью, с какой до тех пор читал стихи.

Эдуард Богословский: Захар, если бы вам дали возможность изменить человека на любом уровне — будь то физический, физиологический, психологический или духовный — и, словно архитектору, создать свою идеальную модель нового человека, что бы вы изменили? Какие корректировки внесли? Или, быть может, оставили все как есть?

Зачем менять человека? Бог с вами! У нас есть Гомер, Сократ, Юлий Цезарь, Данте, Леонардо да Винчи, Рафаэль, Шекспир, Лев Толстой, Менделеев, Флоренский, Чайковский, Королев, Есенин, а тут пришёл кто-то и давай улучшать природу человека!..

Природа человека удивительна и непостижима.

Галина Климова: Захар, Вас приветствуют Липецк и Каликино. Вопрос: путь Саньки — это прообраз пути Христа: те же метания, поиски истины, Голгофа в лесу и выбор судьбы в конце пути. Вы это закладывали в произведение?

Нет, это было бы слишком высоко и несколько патетично. Но я рад, что у вас такие ассоциации.

Олег Демидов: Запущена культурная машина по исторической реабилитации Мариенгофа и Леонова. Кто следующий?

Олег, я задумал серию поэтических сборников, которые сам буду составлять из самых любимых стихов своих самых любимых поэтов. Стихи эти я буду классифицировать согласно концепции каждой из этих книг и к каждой буду писать большое эссе — биографический очерк.

Всего там будет четырнадцать поэтов и, соответственно, четырнадцать сборников и четырнадцать эссе.

Все эти поэты жили в XX веке в Советской России: есть культовые имена, есть полузабытые, есть совсем забытые.

Сейчас занимаюсь поэтом, которого звали Владимир Луговской: это один из лучших стихотворцев прошлого века — у него десятки совершенно шедевральных стихов и поэм.

И очень сложная, трудная биография.

То есть в меру возможностей я постараюсь хотя бы части читателей привить вкус к лучшей поэзии прошлого столетия, которую мы так легкомысленно разбазариваем. Половина из поэтов этой серии не переиздается десятилетиями — у нас же «свобода», рынок.

Характерный момент: подавляющее большинство литераторов, репрессированных в 37-39 годы, были переизданы ещё в СССР и с тех пор не переиздаются, сколько бы об ужасах тоталитаризма ни рыдали нынешние культурные деятели.

Вот сейчас, например, я пишу ответ на ваш вопрос, а у меня на столе лежат сборники двух поэтов есенинского круга — Петра Орешина (издание 1968 года) и Ивана Приблудного (издание 1985 года). Названные издания — последние в их библиографии: в годы «свободы» на это ни у кого сил и времени не нашлось.

При том порой воистину зверином тоталитаризме хотя бы стихи жили, даже при раздавленных авторах этих стихов, а сейчас, если ничего не делать, и эха от этих стихов не останется.

Сергей Кобзев: Захар, как вы мотивируете себя на творчество?

Дети есть хотят — они мотивируют. А я просто просыпаюсь и работаю, особых мотиваций

не жду.

Татьяна Скрудзь: Захар, как родился в вас писатель? Не как родился, а именно родился? Как протекал этот процесс?

Если бы я мог наблюдать за собой со стороны, я бы сказал.

Думаю, какие-то вещи пришли в процессе непрерывного чтения стихов — к 16 годам я прочитал тонну поэтических книжек, а потом отправился «в жизнь». Вот где-то в этом зазоре что-то случилось.

Или не случилось.

Константин Куст: Ни для кого не секрет, что вы служили командиром отделения в ОМОНе. Вы поддерживаете хорошую физическую форму? Посещаете спортзал, бегаете по утрам?

По утрам не бегаяю, вообще не бегаяю. У меня в деревне есть собственная небольшая качалка, я туда хожу летом с детьми.

А в целом не поддерживаю никак, просто не имею привычки много и бестолково есть — имею привычку, напротив, есть один раз в день.

В общем, физическая форма пока не требует, чтоб я ее поддерживал — сама поддерживается. Я лет десять занимался спортом буквально ежедневно; видимо, этот запас до сих пор удивительным образом не растратился.

На днях я попробовал сдать омовские нормативы и понял, что ещё вполне с ними справляюсь, хотя раньше я сдавал их с тройным перехлестом, все эти отжимания и подтягивания.

Николай Сыромятников: Когда вы, мужчина и отец, плакали в последний раз? Есть что-то, что может тронуть вас до слез?

Не помню; вряд ли что-то такое есть, что вдруг заставит заплакать. От умиления разве что, от счастья.

Если я очень сильно обижен, я лучше сломаю что-нибудь поблизости.

Владислав Коновалов: В современном обществе так легко подвергнуться влиянию того или иного информационного потока, ведущего в никуда, и так сложно осознать, в чём же истина нашего бытия. Многие люди погибают, искренне полагая, что жить надо именно так, а не иначе. Как защитить людей от пагубного влияния бытия наших дней?

Всякое бытие может быть пагубным. Люди созданы для того, чтобы выплывать в этом бытии, не надо их защищать.

В лучшем случае надо людям сказать, что не мешало бы ставить себе правильные маячки: Бог есть, Родина прекрасна, ты должен — родителям, детям и только потом себе.

Когда есть такие маячки, никакие информационные потоки не страшны.

Юлия Лунская: Захар, по вашему мнению, нужно ли человеку, работающему в сфере культуры, уезжать строить карьеру в Москву или лучше остаться в родном городе?

Если он писатель, то совсем необязательно.

Про всех остальных ничего не знаю. Думаю, что художников это тоже касается — что там, в Москве, можно нарисовать? Со временем это будет касаться и музыкантов, и даже артистов. Жить надо на просторе.

И чем скорей мы все перестанем лезть в Москву, тем будет лучше и для нас, и для Москвы.

Илья Фетисов: Чему искренне удивлялся и радовался в последнее время Захар Прилепин?

Своим детям ежедневно, своей любимой женщине.

А ещё хорошим книгам, хорошей музыке, хорошим встречам.

Вот снимался в клипе группы «25/17» — было забавно. У них скоро выйдет отличный альбом «Русский подорожник».

Потом ночевал у моего товарища, актёра Андрея Мерзликина: мы с ним проболтали до пяти утра, хотя договорились лечь спать в 12. Тоже было очень смешно и весело.

Я удивляюсь всему происходящему на Украине и радуюсь, что у нас есть люди, подобные полковнику Стрелкову.

Евгений: Нравится ли вам спектакль «Отморозки» в «Гоголь-Центре», поставленный по вашему роману «Санька»? Если да, то объясните человеку, читавшему роман, но не видевшему спектакль, что нового поможет узнать или почувствовать сценическое воплощение; если нет, то какая существенная составляющая произведения не воплотилась сценически и стоит ли посмотреть спектакль, несмотря на это.

Спектакль прекрасный. В ноябре он пойдёт последний раз — у вас есть шанс все увидеть

собственными глазами и решить самому.

Спектакль абсолютно самодостаточный. Я ни разу не задумывался о том, чего там нет из романа — много чего нет, но там есть всё, что нужно и даже больше для того, чтоб это стало настоящим событием.

Вадим Шеин: Захар, вы позиционируете себя как правоверного семьянина. Но когда вы гастролируете по городам и странам, наверняка вам поступают недвусмысленные предложения от девушек-поклонниц? Неужели вы ни разу не изменили жене? Не верится в это.

Вадим, я обратил внимание, что к человеку идет навстречу то, на что он так или иначе, явно или тайно запрограммирован.

Мне уже многие годы никто ничего даже не предлагает.

Молодые поклонницы, желающие продолжить мой род, мне тоже не пишут уже многие годы.

Мне пишут взрослые, серьёзные люди, озабоченные другими вещами.

Alex Granovsky: Стоит ли сегодня автору (особенно начинающему, хотя и не только) тратить год (по самым скромным подсчётам) своей неповторимой жизни, чтобы писать роман, который в 99% случаев окажется никому не нужным?

Знаете, неповторимая жизнь тоже может оказаться ненужной.

Писать роман надо для собственного удовольствия, не задумываясь о том, нужен он или не нужен. Хороший роман будет нужен, а о поэзии не скажу: в нынешней России много хороших стихов, которые, в общем, никто не читает, но много и поэтов, которых любят и которыми любят.

(продолжение вопроса)...и даже не потому, что он может получиться совсем плохим или даже вполне удачным, просто за последние 30 лет у человека стремительно атрофируется способность читать (как нерациональный способ использования свободного времени, которого всё меньше и меньше), да и информацию стали «упаковывать» в более удобоваримые файлы, которые легче поглощать — отсюда и появление SMS-романов в Японии, и клиповое мышление.

Никакие SMS-романы не отучат японцев читать Акутагаву, Мисиму и классическую японскую поэзию и не заменят всё это. Не преувеличивайте значение «упакованной» информации — всё это пройдет. В целом в мире литературу читают ровно столько же людей, сколько читали её в XIX веке.

В России несколько меньше, чем в СССР, но даже эта ситуация поправима: сгинут и «Фэйсбук», и «Вконтакте» — Лев Толстой всех победит.

(продолжение вопроса)...то есть происходит уплотнение и синхронизация разных видов информации в один более оптимальный поток, к которому мозг, на удивление, очень быстро приспособился. Может, и писателю надо как-то перестраиваться в ногу со временем?

Если писатель будет идти в ногу, он будет дурак. В целом писателю нет никакого дела

до времени: он занимается, простите, душою, а душа — это вечное. Синхронизация разных видов информации в один поток: вы думаете, что Шекспиру, Пушкину или Чехову нужно с этим соревноваться? Они обыграют все эти синхронизации, даже не утруждаясь.

(продолжение вопроса)...уже сегодня никто поэта и слушать не станет, если его стихи не будут исполняться под какие-нибудь звуки — варгану, муз. группы, притопы и прихлопы. Кое-кто даже прозу пытается так исполнять со сцены, на всякий случай, правда, выдавая её за стихи. И тогда главными читателями больших форм (романов) станут только аутисты, для которых время, как категория, не существует.

Сегодня, кстати, на поэтические концерты приходит столько людей, сколько не приходит на другие музыкальные концерты. То, что Вера Полозкова исполняет их под музыку, ничего не меняет — Быков исполняет без музыки при таких же полных залах.

Что до больших форм и аутистов, то ежегодно в мире продаются даже не десятки, а сотни миллионов толстых романов. Пока всё, что вы говорите, относится к разделу антиутопий.

Кстати, обратите внимание, что в новом столетии первое место в списке самых читающих стран принадлежит Китаю, а второе — Индии.

Если Европа и США разучатся читать, это будет не железная поступь прогресса, а всего лишь проблемы Европы и США — рулить будут страны, где не разучатся читать толстые романы.

В другой раз мы подробно поговорим об этой связи, хотя в целом тут все ясно: масштабно, глубоко и спокойно мыслящий человек организован куда лучше невротика, который синхронизирует сто разных потоков и в итоге знает, как заметил один философ, «всё больше и больше о всё меньшем и меньшем».

То есть не воспринимает вообще ни один поток из всех синхронизированных.

Нации живут, пока имеют свою мифологию, свою литературу, свои традиции (которые во многом создаёт и поддерживает литература). Как только они перестают её воспринимать и начинают забывать, то становятся на путь унификации и исчезновения.

В Европе, кстати, это очень остро чувствуют, и националистические движения, вплоть до фашистских, — это как раз и есть попытка остановить эту унификацию насильственным образом. Получается полное извращение, но начиналось всё тоже с того, о чём вы говорите: «А зачем нам так много всякой культуры, давайте „пойдём в ногу со временем“ — мы же люди XXI века!». Немного прошли — и побежали назад в архаику.

Чтобы не бегать потом в архаику, не надо ничего лишней раз синхронизировать.

Фото Макса Авдеева

Игорь Петровнин: Мы с ребятами подумали над вопросом, и я, как представитель музыкального сообщества Лебедяни (Липецкая область), спрошу: слушаете ли вы музыку? Если да, то какую?

Огромное количество всякой музыки, причем собственноручно сделанные сборки — их, думаю, несколько сот. Обычно в машине слушаю.

Сейчас просто навскидку, бессистемно перечислю то, что слушал последнюю неделю: Brazzaville, Morcheeba, Михаила Щербакова, Олега Митяева (не слушал 17 лет, а тут что-то потянуло), «Аквариум», «Сплин», «Хроноп» (одна из самых любимых моих групп, очень рекомендую — это самые непризнанные классики русского рок-н-ролла), Сашу Скляра (который сегодня стал едва ли не лучшим рок-музыкантом в России; в любом случае, он выдвинулся в первую тройку), Елену Фролову (великую!), Дамиана Марли (и его отца тоже), Микки Экко, Марка Алмонда, Мерелина Мэнсона, Александра Башлачёва (великий альбом «Вечный зов»), «День Победы» (лучшее русское регги), Вис Виталис, 50 cent, Eminem, Cure.

В последние месяцы очень много слушаю Игги Попа — наверное, сегодня это мой самый любимый певец, причём не панковского периода (хотя отчасти и того периода тоже), а все разнообразные альбомы и синглы, которые он записал в последнюю пару десятилетий.

С детьми слушали — странно молвить — сборник самых лучших фрагментов Петра Ильича Чайковского, обязательного Свиридова, лучшие песни Анатолия Новикова — был такой замечательный советский композитор; специально для детей я сделал два сборника лучших песен на стихи Есенина и Маяковского — получилось просто замечательно. У меня они, кстати, выложены на сайте романа «Санька» в разделе «Любимые песни Саньки Тишина». Если хотите, чтоб ваши дети знали наизусть песни великих русских поэтов, такие подборки станут идеальными помощниками.

Ну и так далее — я не назвал ещё сотню-другую имен. Сыновей недавно по дороге на малую родину, в Рязань, просвещал — послушали мои сборники «Роллингов», «Лед Зепеллин» и «Пинк Флойд», а потом просто Пинк. Пинк они знают и любят — хорошая девчонка, кстати.

С женой слушаем много чёрного американского джаза 30-50-х.

Я могу это перечислять бесконечно и потом ещё втрое больше об этом говорить — это огромная часть моей жизни.

(продолжение вопроса)...Что вы думаете о развитии музыки в стране?

Я не думаю, что есть какие-то тенденции. Одно время я был очарован русским рэпом, но теперь немного остыл — эти ребята слишком идут на поводу у своей публики и не хотят расти.

Самые лучшие из них — вышеназванные «25/17» и Вис Виталис. У меня есть пара знакомых молодых рэпперов — Хаски и Рич: они тоже хороши. Последний мини-альбом Лока Дога был неожиданно крут.

Но в целом эта движуха мне наскучила: в одной какой-нибудь старой песне «Машин Бэнда» (это была наикрутейшая группа, великая, а альбом «Бомба» вообще выше барьеров

и за пределами видимого) было больше страсти и ярости, чем в трёх тоннах современных рэпперских понтов.

(продолжение вопроса)... И вопрос лично от меня: интересно ваше мнение об антипиратском законе. Принесёт ли он достаточную пользу авторам или нужно что-то менять? Куда в действительности идут наши деньги и откуда такие цены на книги?

Я за все антипиратские законы. Ничего страшного в этих законах нет. Тот, кто хочет брать нужное ему бесплатно, пусть бесплатно кормит, одевает меня и моет мою машину.

Но если у человека есть возможность своровать, пусть ворует. Если мне будет нужно, я тоже его обворую.

Ещё лучше, если мы оба будем без этого обходиться.

Мария Волхонская: Захар, каково ваше первое воспоминание и есть ли что-то, в чём вы, возможно, завидуете своим детям?

Детям не завидую — у меня тоже всё было прекрасно.

Детство моё покрыто дымкой.

Иногда мне кажется, что я помню себя лет с 14-ти, не раньше.

Кажется, я вырос в Каликино Липецкой области; мы с отцом ходили загорать в Тимохин угол.

Об этом, впрочем, я уже написал в своих рассказах.

Андрей Жданов: Что делать современным нацболам — надо ли воевать на Украине? Если да, то на чьей стороне?

Там уже несколько взводов из нацболов, Андрей, и все они на стороне русских воюют. Если нужно точнее, то под руководством полковника Стрелкова.

Нацболы приехали туда фактически первыми, ещё когда Майдан был. Теперь у них (у нас) там своё представительство и свои каналы поставки всего необходимого.

Нацболы — они же лимоновцы, «другороссы» (от названия книги Лимонова и партии «Другая Россия»), которых 20 лет беспрестанно прессовало государство, посадив человек 150 из них в тюрьмы и десяток угробив — оказались куда более действенными патриотами своей страны в отличие от всей этой подлой поросли, которую государство кормило на Селигере. Где теперь все эти «наши комиссары»? Куда они делись? Почему в Донецке и Луганске одни нацболы, которых эти же «селигерские комиссары» травили и давили?

Государству стоило бы задуматься об этом.

Фото Михаила Безносова

Алёна Алексеева: Захар, что вы предпочитаете читать? На каких авторов рекомендуете обратить внимание поклонникам вашего творчества?

Моих любимых современных авторов я называю в каждом своём интервью.

Любому человеку, который уверяет, что в России больше нет литературы, не мешает прочесть «Лавра» Евгения Водолазкина, «Двор прадеда Гриши» Отрошенко, «Язычника» Тулянина-Кузнецова, «Немцев» Александра Терехова, «Сажайте и вырастет!» Андрея Рубанова, «Аномалию Камлаева» Самсонова, «Книгу без фотографий» Сергея Шаргунова, «Бета-самца» Дениса Гуцко, «Афганскую флейту» Ермакова, «Замороженное время» Михаила Тарковского, «Женщин Лазаря» Марины Степновой... а потом уже рассуждать, есть у нас проза или нет.

Что касается иностранной прозы: только что я прочёл «Клуб ракалий» Коу и роман Колума Маккены «И пусть вращается этот прекрасный мир»; отличные романы, рекомендую, особенно Маккене.

Сейчас читаю огромный английский роман «Багровый лепесток и белый» Мишеля Файбера: ну что, это любопытно.

И, конечно, если вы не читали «Благовоительниц» Джонатана Литтела, обязательно прочтите — это уже классика.

Что до моих читательских предпочтений, то тут список еще более обширный, чем вышеприведенный.

Больше всего сейчас я читаю книги своих современников (в данный момент «Мысленный

волк» Алексея Варламова — очень интересно): «Изборник» Юрия Кублановского (удивительный поэт), сборник стихов Бориса Херсонского, западную литературу (в основном английскую и итальянскую), роман «Сарамаго», роман «Амаду», читаю подряд все собрание сочинений Есина (скорее перечитываю), всё собрание Юрия Бондарева (многое перечитываю), советскую поэзию (сейчас занимаюсь биографией Луговского, попутно — биографией Сельвинского), книги по истории России (сейчас читаю одновременно два огромных тома Фроянова — о Древней Руси и о Грозном, а его «Уроки Октября» уже прочитал — рекомендую), по истории Украины (очень забавные, хотя чуть поверхностные книжки Бузины — целых три сейчас «в работе»), ну и так далее. «Истоки современности» Пленкова, своеобразный либеральный учебник политэкономии, тоже читаю — очень важная книжка, мне кажется.

Я ужасно жадный до книг.

Юлия Гелашвили: В статье [«Удаче вопреки»](#) Дмитрий Бутрин написал, что роман «Обитель» нужен «для того, чтобы движением, интонацией, архитектурной провозгласить: если Бог и есть, то он есть язык описания. Все другие, все другое — вымысел, который следует отвергнуть. Бог слова — в буквальной правде, в том, что узнать, как это было, можно лишь узнав и написав то, что понял о Соловецком лагере особого назначения и о тех, кто в нем был убит». Как вы считаете, автор статьи прав: Бог в правде? И верите ли вы в Бога?

Автор говорит о чем-то очень ему понятном. Наверное, он прав.

Бог есть.

P.S. Автор лучшего вопроса «Что вы приготовите, если я приду к вам на ужин?» Ольга Наливайко, как мы и обещали, получит в середине сентября книгу с автографом Захара Прилепина. Какой будет эта книга — пусть станет приятным сюрпризом.

Фотографии взяты с [сайта](#)